

Дружба народов. - М., 1964. - № 6. - С. 225-230.

Рассказывают писатели

И. Кругман. Впрочем, насчет института я научного сотрудника выяснилось позже. Просто в магазине на Театральной площади появился молодой парень с добрыми глазами под толстыми стеклами очков и безапелляционно заявил:

— Зовите меня Ося. Я хочу вам помочь.

А через минуту его басок уже рокотал за прилавком:

— Не любите Луговского? Вы его просто не знаете. Подождите, я вам прочитаю... Очередной покупатель выскользнул из его рук с толстой пачкой книг под мышкой.

Каждый день стоит за прилавком инспектор одной из городских организаций Леона Джанкой, по молодости лет именуемая постоянными посетителями Аленкой. Приходит физик по специальности и автор лирических стихов Аркадий Филатов, наглядное опровержение нашедшего конфликта между физиками и лириками. Все свободное время отдают магазину его верные друзья архитектор Алик Тульгинский, преподаватель строительного техникума и со-затель фильмотеки Юрий Хазанов и еще многие-многие другие.

О чем еще рассказать вам, чтобы вы полюбили наш магазин «Поэзия» и его зо-заяк? О том, что в маленьком самодельном шкафике у Светланы Алексеевой хранятся десятки поэтических сборников с сердечными посвящениями авторов и сотни писем читателей со словами любви и благодарности за приобщение к миру прекрасного? Или о том, как в городском лектории на вечер поэзии, совпавшем с годовщиной открытия магазина, в центре сцены сидели Светлана Алексеева, Лилия Яковина и Людмила Векслерчик (у Оли Ковалевской был болен ребенок) и зал гремел аплодисментами?

Впрочем, лучше мы закончим наш короткий рассказ стихами. Их написал специально к этому дню поэт харьковчанин Б. Чичабин:

Есть в городе нашем такой магазин,
О коем не надо загадывать, чей он.
Всем правдоискателям, всем книголюбам
На долгую жизнь его свет негасим.

И. ИЛЬИНА

В этот дом приходят актеры, чтобы выслушать приговор вчерашнему концерту, программа которого здесь, кстати, и обсуждалась. А из радиорубки, как называют крошечный закуток за портьерой, несутся вхоженные поэтические строки всех времен и народов, начитанные по просьбе магазина его друзьями из филармонии, и актер Сергей Новожилов признается, что ни на одном литературном концерте он не испытывал такого удовольствия, как здесь, когда после выступления с полком буквально на глазах исчезали томики его любимых авторов.

На популярности магазина, конечно, сказывается читательская любовь к поэзии — чувство, силы которого мы, пожалуй, даже не подозреваем и во всяком случае недооцениваем. В результате через день после открытия магазин пришлось экстренно закрыть... «на переучет»: у дверей стояла очередь за стихами, а полки опустели.

Но подлинный секрет кроется в том, что любовь-то оказалась взаимной. Она владеет душами по обе стороны прилавка.

Назвать пролавами дружный женский квартет — Светлану Алексееву, Лилию Яковину, Олю Ковалевскую и Людмилу Векслерик (не в обиду будь сказано работникам торговли) не поворачивается язык. Это друзья книги, поборники всего прекрасного. Таких продавцов для своих стихов, право же, мог бы пожелать сам Маяковский!

Выпускники библиотечного института, они обладают качеством, без которого людей, пожалуй, не стоит допускать к книгам: поэтическим сердцем, готовым всем, что ему дорого, щедро и непосредственно делиться с людьми. Поэтому никакие траты в своем нелегком труде для них, кажется, не существуют.

Время? Расстояние? Какие пустяки! И магазин «Поэзия», пригласив себе в спутники поэтов и актеров, устремляется на завод, в институт, в школу — устраивать вечера и концерты, книжные выставки и лекции, а главное, вербовать друзей поэзии.

У самого магазина им теперь нет числа. Ведь к светлому, хорошему, как на огонек, тянутся люди.

В первый же день в магазин пришел научный сотрудник института «Гипрококс»

Харьков

Гумер Баширов: «ЗАРАЖАТЬ» ЛЮБОВЬЮ

Монолог для писателя дело привычное, ведь по существу его творчество — это непрерывный своеобразный монолог. Но одно дело вести этот монолог в одиночестве, сидя за своим письменным столом, другое — раскрывать себя в беседе на людях. И если я осмеливаюсь говорить о книгах, то, скорее всего, вернее, напишусь еще не написанной, или, вернее, написанной наполовину, то совсем не для того, чтобы раскрыть какие-то тайны творчества, просто мне кажется, что вопросы, которые я затрагиваю в новой книге, должны волновать многих.

Странное состояние овладевает нами, литераторами, когда мы пишем. Нам кажется, что мы поведем нечто очень важное — откроем в мире, который нас окружает, какие-то новые грани, новые глубины. Вот и сейчас я переживаю нечто подобное. Я люблю свой будущий роман, и у меня та-

кое ощущение, что именно в нем я скажу о самом главном, о том, что людям необходимо не только знать, но и всегда помнить. О чем же?

Когда-то я написал повесть «Сиваш». На конференции, где обсуждалась эта книга, один критик спросил меня: «В чем идея вашей повести?» Такие любовные вопросы меня обескураживают. Я честно ответил, что, когда писал, думал не об идее вообще, а о конкретных людях, которых изображал, о том, чтобы, создавая их характеры, не утратить ничего из того, что меня в них возмущало. Творческий процесс у художника, писателя, как мне представляется, происходит несколько иначе, чем, скажем, у инженера-конструктора или ученого. Планы, замысел, идеи возникают у нас по каким-то иным законам, постигнуть которые я пока не сумел.

О ДАЛЕКОМ И БЛИЗКОМ

ВТОРАЯ РОДИНА БЕРНСА РАСШИРЯЕТ ГРАНИЦЫ

Рассказывают, что сообщение о приезде Самуила Яковлевича Маршака в Лондон одна из английских газет озаглавила следующим образом: «Человек, который перевел «При всем при том»...

Переводческому подвигу Маршака мы обязаны тем, что великий Роберт Бернс «заговорил по-русски», стал близок миллионам советских читателей. Советскую страну называют теперь второй родиной Бернса. Примечательно, что эта вторая, «русская» родина Бернса постоянно расширяет свои границы. Стихи шотландского поэта можно услышать на языках многих народов СССР.

В Белоруссии над переводами из Бернса плодотворно работает поэт Язеп Семенов. В 1957 году в Минске вышел сборник стихов Бернса в переводах Семенова «Ландская слава». Большие подборки были напечатаны затем в журналах «Шотландия», «Беларусь», в газете «Літаратура і мастацтва». К столетидесятилетию со дня рождения Бернса Семенов перевел «Тэм о'Шентер». На белорусском языке издали уже примерно: половина того, что перевел из Бернса на русский С. Маршак.

Самуил Яковлевич, сам того не подозревая, воздвиг серьезную преграду перед собратями по перу. Переводчики вынуждены теперь считаться с тем, что наряду с Бернсом «каноническим» существует Бернс «маршаковский», перевод, пользующийся хрестоматийной известностью. Приходится постоянно иметь в виду этот «второй

Итак, сейчас работаю над романом «Доброе утро». Боюсь, что раскрыть его содержание в двух словах я не смогу. Это роман о сельской интеллигенции, о влиятельности, которую она испытывает со стороны рабочих, со стороны города.

Почему я предпочитаю писать о деревне? Я люблю деревню, я родился и вырос на земле, не закрытой камнем, мне известно, как грим жадно тянутся к солнцу, а горячие лапы крестьянина — к прохладе шершавого тела земли. Несмотря на то, что я уже тридцать два года живу в Казани, в городе, в душе я по-прежнему сельский человек. Деревня привлекает меня не только поэзией, за которой совсем особый, добрый запах хлеба и тяжелой белизна молока, шум полей и соловьиный язык ночи, но — и это главное — особой простотой и непосредственностью людей. Мне кажется, что они более забывчивы, более чувственно воспринимают природу. Может быть, я и заблуждаюсь в своих оценках, но несомненно одно — моя привязанность к деревне имеет глубокие корни. Как человек и писатель, я не мыслю себя без самой тесной связи с землей. Кроме того, я считаю, что земледелие и древнейшая и благороднейшая профессия на земле, ибо без нее нет жизни.

Мои долги и интересные поездки по родному Татарстану открыли в моей теме большие возможности. Действие моего романа я, подобно всемогущему джигу, перенес на юго-восток Татарии, на берега реки Ик. Это удивительные, своеобразнейшие края. Здесь в одном пейзаже слились колоссящие пшеничные поля и нефтяные вышки. Буровики и рабочие промыслов живут в деревнях. Такое тесное соседство промышленности и сельского хозяйства накладывает специфический отпечаток на жизнь людей, на их социальные и морально-бытовые взаимоотношения.

Все это захватывало меня не на шутку. Естественно, я не мог обойти менее мне

О ДАЛЕКОМ И БЛИЗКОМ

оригинала, помнить, что для многих читателей, не знающих английского, он по существу подлинник.

Перевод на «маршакowski» уровень. Задача не из легких. Но учеба у большого мастера — обязательное состязание с ним. Иначе и не представлял себе свою задачу белорусский переводчик.

Пробным камнем для всех переводчиков Бернса шотландцы считают «Честную бедность». «Человек, который перевел «При всем при том»... Конечно, это можно вынести в заголовок газетного сообщения. Попробуйте в самом деле передать без потерь это неподражаемое.

For a' that, an' a' that
It's coorten yet for a' that

Маршак нашел крылатое «При всем при том». Но белорусский язык не знает канцеляризма, они не вошли ни в деловую, ни в живую народную речь. Себежон воспользовался разговорным «и так и сяк». «Прיקінем так, прыкінем сяк і усё таму падобнае...» Знаменитый бернсовский рефрен зазвучал в полную силу.

Заучный бернсовский стих сохранен в белорусском переводе:

Вось той бізмен — прыродны лорд
Ад пыху ажно пеніцца;

профессия будущего. Однако зачастую между хлеборобом и землей вырастает гора бумажки — входы бюрократизма.

Меня беспокоила какая-то растерянность, особенно ощущавшаяся среди части нашей молодежи несколько лет назад. Юношей и девушек, кончивших десятилетку, было больше, чем могли вместить наши вузы. А мы воспитывали нашу молодежь однобоко, если так можно выразиться, с уклоном на высшее образование, мало заботились о том, чтобы готовить ее к работе в поле и у станка.

Молодые люди, мечтавшие о высоких материях, не попав в институты, что называлось, опускались кривая, далеко не все знали, куда им податься; неопределенность, неустроенность мучила их, влияла на характеры. Школа дала им знания, которые они не умели применить в жизни, бурно обступившей их...

И вот однажды — роман уже был мною задуман и я много ездил по Татарии, собирая материал, — я попал на пасеку к старому «пчелиному мастеру». У него в саду я встретил молодого парня. Он сидел на пенечке и с каким-то потерянными видом разглядывал рамы для ульев. Мы разговорились, и вдруг я почувствовал, что в характере юноши есть нечто такое, что мне хорошо знакомо.

Аз — так зовут героя — не попал в институт и в армию (у него была в детстве вывихнута нога) и поэтому сердит на всех и вся. В порыве ребяческой гордости, в обиде на «несправедливость жизни» Аз спрашивает у матери, какая работа, по ее мнению, самая захудалая. И когда в ответ слышит, что самая захудалая работа — это работа пастуха, решает стать именно пастухом.

Есть у Аза еще одна незатухающая боль — обида на отца, который в трудные годы ушел из деревни, бросил на произвол судьбы семью.

Жизнь — суровый экзаменатор. Она заставляет каждого человека проверять, на-

О ДАЛЕКОМ И БЛИЗКОМ

Кавалек мяса, чым ён горд?
Бізмен — без змен, не зменіцца!

Однако стилистические находки оставались бы только находками, если б переводчик не сумел сохранить дух оригинала.

Вот как естественно по-белорусски, по-крестьянски передал переводчик возмущение «пастуха-парня» несправедливого порядка вещей:

Хлеб ды вада — ішчэ не бада.
Тады бада, як лебядз.
Ды ішчэ нішчымніца.
А вунь прахосці і паны
Гарэчку п'юць, жаруць бліны —
Так, брат, на свеце чыншца.

Читателю, возможно, интересно будет сравнить эти строки с переводом Маршак:

Вот этот шут — природный лорд.
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд.
Бревно бревном останется.

сколько его представления о мире соответствуют действительности. Уязвленная религиозная гордость Азя скоро оборачивается изумлением — оказывается, и пастуху те-перь, кроме кнута, нужны еще и знания зоо-техники, ботаники. Азя приходится решать и другую, более сложную задачу. В деревню возвращаются отец, за время разлуки он стал опытным мастером — монтажником нефтяных вышек и приехал обратно, чтобы работать на промыслах. Азя в смятении как он должен относиться к отцу, который из своих товарищей рабочих пользуется почетом?

Мой герой любит... Но чего ищет он в любви? Верную жену, которая станет утешительницей от несправедливости жизни? Или настоящего товарища, друга? Этого Азя и сам еще не знает. Пока это романти-ческая любовь, романтическая потому, что герой ищет в ней противовеса пошлости. Унизительный тон разговоров о женщине корбит его, ведь его чувства целомудрен-ны и помогают открывать в себе нечто но-вое, доброе, он строже, чем некоторые дру-гие, видит свои недостатки.

Тему любви я затронул не случайно.

Сунубай Эралиев: СОВРЕМЕННОСТЬ — ДУША ЛИТЕРАТУРЫ

С тех пор, как я написала свое первое сти-хотворение, прошло почти полтора десяти-летия. Ныне я уже автор многих поэтических книжек, изданных на киргизском и русском языках. Пора бы, кажется, и мне обрести свой круг поэтических тем, образов, вырази-тель, как говорят, свой стиль, найти своего героя. Но время идет, а я все еще чувст-вую себя как бы в начале пути. И дело не в том, что я, предположим, не сумела оста-новиться на чем-то одном, выдающимся мою поэтическую точку зрения, а в том, что жизнь во всем ее многообразии не дает мне

Меня смущает легкомысленное отношение некоторых молодых людей к браку и семье. Быть может, я рассуждаю, как старый че-ловец, но я в своем романе хочу противо-поставить так называемую романтическую, а по-моему, подлинную любовь мечтатель-ному, обывательскому о ней представлению.

Может быть, кто-либо и упрекает меня в том, что я не иду за жизнью и пытаюсь литературный характер противопоставить жизненному, мне кажется, что подобный упрек был бы необоснованным, потому что я вижу в жизненном характере возможно-сти такого, каким будет обладать мой ге-рой, который придет к любви через большие испытания.

Последние строки романа «Доброе утро» еще не лежали на бумагу, и пусть не покажет-ся досужим мой быличный разговор о нем. Мне очень хотелось бы через мою книгу «заразить» других людей любовью к моей золотой земле и людям Татарстана.

Я хочу написать книгу о свободных тру-женниках на свободной земле, которая или любима и где труд не только осознанная необходимость, но и вдохновение.

права довольствоваться уже достигнутым, заставляет меня все время искать новые формы, способные наиболее полно выразить величие и красоту советского человека.

Мы живем в неповторимое время. В на-шей жизни, бурной, стремительной, не долж-но быть места равнодушию и душевной черствости. Тот, кто хочет шагнуть в ногу с нашей эпохой, не должен знать покоя. Дол-жен постоянно напрягать свой ум, свою энергию, вкладывать свои силы в дело, кото-рое любишь, в дело, которое нужно людям. Особая ответственность ложится на наши

О ДАЛЕКОМ И БЛИЗКОМ

Можно, разумеется, упрекнуть переводчика в не совсем шотландских «лебедях», «бллинах», «гэрэпке», но нельзя отрицать, что основная мысль поэта передана точно, что в полную силу звучит его обличительный голос.

На «маршакском» уровне перевел Семенов и знаменитого «Финдлея»:

— Таково тольк приручы...
«Так-так!» — сказау Финдлей.
— Дах ты ж тут будзешь штонахы
«И у дзены!» — сказау Финдлей.
— Скала. Ну, што ж, дапамагу...
«Худэй», — сказау Финдлей.
— Гляди ж, нікому ні гу-гу!
«Угу», — сказау Финдлей.

Бериса называют музыкальнейшим поэтом мира. Семенову удалось передать песенную основу поэзии Бериса, сохранить во многих переводах тонкую инструмен-товую, мелодичную, звукописную подлинника. Успешно справился поэт и с трудной задачей перевода бернсовских «эпиграмм».

Белорусская критика высоко оценила труд переводчика. Максим Лужанин писал в связи с выходом в свет «Шотландских слав»: «

художественными летописцами эпохи, мы должны изучать жизнь, вести непрерывный поиск, проникая и постигая новые глубины действительности.

Встречи руководителей партии и правительств с деятелями литературы и искусства, решения ионического Пленума ЦК КПС по идеологическим вопросам были для нас, литераторов, той ветой, которая на многие годы вперед осветила творческую работу писателей, артистов, художников. Без ложной скромности могу сказать, что минувший год был для киргизской литературы исключительно содержательным, и, ес-ли можно так выразиться, уплотненным; можно подвести тому, как много и пло-дотворно поработали мои товарищи — про-заики, поэты и драматурги Киргизии.

Еще не так давно, каких-нибудь пятнад-цать—двадцать лет назад, в нашей нацио-нальной литературе главенствовала тема на-родного прошлого; почти все писатели с увлечением работали над книгами, посвя-щенными горьким страницам в истории кир-гизов.

Но и тогда уже появлялись произведения, раздвигающие рамки национальной литерату-ры: в своих произведениях А. Токобаев, Т. Сидыкбеков, Дж. Боконбаев, М. Элебаев, Дж. Турусбеков и К. Баялинов, К. Джанто-шев и М. Токобаев вначале робко, а затем все смелее и смелее затрагивали злободнев-ные, самые жизненные проблемы.

Современность постепенно становилась неотъемлемой чертой нашей литературы. Это прежде всего свидетельствует о неук-лонном росте осознания и мастерства кир-гизских литераторов, об их искреннем же-лании внести свою лепту в создание куль-туры единого коммунистического общества.

Сейчас я могу смело сказать — тема со-временности стала ведущей в нашей ли-тературе.

Широкое признание в Советском Союзе и за рубежом получила, например, повесть

Ч. Айтматова «Материнское поле». В ней писатель ставит вопросы, которые волнуют не только каждого киргиза, но только граж-дан нашей страны, но и каждого честного человека земли. Героиня повести от имени матерей прокладывает войну, несущие смерть всему живому, призывает людей крепить мир, дружбу и братство народов.

В прошлом мало кто из наших писателей брался за темы, раскрывающие духовный облик советского рабочего человека, деяте-ля искусства. Почти все писатели старшего поколения выходили из деревни, и, естествен-но, они писали о том, что близко знали, о колхозном крестьянстве. Год назад моло-дой писатель Д. Даникеев издал повесть «Тайна девушки», рассказывающую о тру-де и быте шахтеров, о киргизской техниче-ской интеллигенции. Почти одновременно появилась повесть К. Кашмова «Звезда в степи», ее тема — творческие поиски, рабо-ты и озорничья киргизского художника.

Даникеев и Кашмов показывают, как фор-мируется сознание и нравственность рабо-чих людей, как утверждается в сердцах ин-теллигенции горячая вера в торжество са-мых светлых идеалов нашей современности.

Новые темы дают наше бурное время про-заикам и драматургам. Абдумомунов, Джантошев, Касымбеков, Жакиев, Сады-бакасов; показывая серьезный разговор о проблемах, выдвигаемых жизнью: разво-рот в жизни всего киргизского народа. Расширение тематики, пожалуй, наиболее характерная черта в творчестве киргизских прозаиков поэтов и драматургов. Это было бы невозможно без изучения глубинных я-влений нашей советской жизни, без воочи-вых поисков новых, наиболее точных и яр-ких средств выражения своих мыслей.

По-своему знаменательными мне кажутся эти поиски и в нашей поэзии. И старые, и молодые поэты отказываются от устоявших-

О ДАЛЕКОМ И БЛИЗКОМ

«Мы теперь читаем Бериса по-белорусски... Радостно и за язык, и за поэзию, и вообще за культуру. Как здорово давились мы вперед! Скажем, в двадцатых годах трудно было бы представить себе такие книги переводов прямо с оригинала и на до-стойном профессиональном уровне. Большая любовь к поэзии веет с каждой страницы этой книги, а за прозрачностью мысли и строки чувствуешь, как много и плодотворно поработала талантливая рука переводчика».

Когда перевод удачен, совершается чудо трансплантации, стихотворение «уходит в народ». Языку Семенову как-то пришлось приспосабливаться на вечер в сельском клубе, на котором декламировался «Финдлей». Шотландский Финдлей был заменен более простым Фадеем, а само стихотворение объявлено как народное. «Шотланд-ская слава» была издана в свое время тиражом довольно значительным, но книга разошлась в считанные дни и найти ее теперь трудно даже в библиотеке.

Язык Семенов известен в Белоруссии не только как переводчик Бериса. В разное время издавались его переводы из Байрона, Уитмена, Марка Твена, Джо Уоллеса, мо-лодых канадских поэтов. Поэт — превосходный знаток иностранных языков — до сих пор продолжает работу на кафедре иностранных языков Белорусского государствен-ного университета.

Белорусские переводы Бериса тепло встречены в Англии. Обществу имени Ро-берта Бериса сообщили в Минске, что «Шотландская слава» — третье по величине изда-ние Бериса на славянских языках. Книга заняла почетное место в мемориальном доме-